

Kurikova, Natal'ja Vladimirovna

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков "здесь", "тут", "там" в концептуализации коммуникативного пространства (на материале русской народной речи)

Новая русистика. 2010, vol. 3, iss. 2, pp. [49]-61

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116139>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Наталья КУРИКОВА
(Томск)

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков «здесь», «тут», «там» в концептуализации коммуникативного пространства (на материале русской народной речи)¹

Summary

The article presents dialectal statements with pronominal words «here», «there» fulfilling the function of operators which actualize different semantic spaces: physical, temporal, communicative and have the purpose of language fixing of different positions of a speaker. It is being proved that pronouns are capable to display the language ways of structuralizing the world in spatial models/forms of the world's construction in man's consciousness.

Местоимения в течение долгого времени и до настоящего момента являются наиболее «загадочным» классом слов, вокруг которого ведутся оживленные лингвистические дискуссии, во-первых, о частеречной принадлежности; во-вторых, о семантике и функционировании местоимений в речи; в-третьих, о происхождении местоимений; в-четвертых, о категориальной сущности местоимений.

Как показывает обзор работ [1–7 и мн. др.], все изыскания исследователей сводятся к постижению сущности местоимений как особого класса слов:

¹ Исследование проведено на материале русских говоров Среднего Приобья.

исследователи видят в них отсутствие номинативного элемента значения. «В отличие от слов-названий, местоименные слова не называют лиц, предметов, признаков, а только указывают на них или – в контексте – выступают как заместители слов, их называющих» [8. с. 202]. В.В. Виноградов писал о значении местоимений как условном, «беспредметном» [9. с. 260].

Определяя номинативную «пустоту» местоимений, языковеды, однако, не могли не признать их особости, заключающейся не только в относительности других знаменательных слов, но и в способности иллюстрировать «чистые идеи» предметности и качества, выражать акт человеческого самосознания, сознания *я* и противопоставления *я* и *не-я*. Таким образом, возникла мысль об уникальном предназначении местоимений – их способности передавать особенности структуры человеческих знаний о мире. Уникальный статус местоимений заключается в том, что к ним не применимы в полной мере классические приемы языкового анализа, выработанные в лингвистике.

Идея о представлении местоимения как языковом категоризаторе возникла в работах В. Гумбольдта, Г. П. Павского, К. С. Аксакова и развивается в трудах современных ученых [10–12].

В монографии К. Е. Майтинской определяются системы основных разрядов местоимений, противопоставляемых по субъективной ориентации [10], в том числе по близости/дальности, видимости/невидимости, присутствию/отсутствию, а также по пространственной направленности отношения между говорящим и предметом. Другое основание классификации местоимений – объективные данные о предмете, в частности, по разделению денотатов на группы – делит их на обозначения людей и не-людей, мужчин и женщин, растений и отвлеченных понятий и т.п. Выводы исследователя подтверждены данными более 250 языков из 25 языковых групп. Так, К. Е. Майтинская подтверждает способность местоимений передавать информацию о категоризации познаваемого мира в сознании человека относительно его самого.

Более последовательно представлена концепция местоименных категоризаторов в работе Н. Ю. Шведовой [11], где выдвигается мысль о системной организации лексики, которая выстраивается по принципу лексического дерева, его вершина – глобальные смыслы. В работе местоимения представлены с точки зрения их функций, формы и смыслов.

С точки зрения собственно функциональной, в русском языке, по мысли исследователя, существует четыре класса слов: слова означающие (местоимения), слова именующие (имена, глаголы, наречия и предикативы), слова связующие (предлоги, союзы) и слова собственно квалифицирующие (частицы, модальные слова, междометия).

Формально местоимения распределены между именами, наречиями и предикативами (см. о дейктических глаголах: [11]).

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков

С точки зрения выражаемых смыслов, *местоимения обозначают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы*. Исходные местоимения, возглавляющие и организующие весь этот класс, означают и осмысливают такие понятия, которые относятся к самым основам материального и духовного мира; это понятия о времени и пространстве, о живом существе, предмете, явлении, признаке, количестве, способе осуществления чего-нибудь, а также об элементарных связях и отношениях между данностями реального мира и его познания.

Н. Ю. Шведова подчеркивает две основные особенности местоимения – **самодостаточность** (местоимения обращены ко всем другим классам слов и с ними сложно взаимодействуют) и **высокий уровень абстракции**, который определяет первичную роль местоимений по отношению к другим классам слов. Специфику местоимений автор видит в том, что они не могут быть названы «частью речи»: комплекс смысловых абстракций, сосредоточенных в классе местоимений, вступает в противоречие с формальной унификацией, обязательно присущей тем классам слов, которые традиционно называются «частями речи».

Исследователь убедительно доказывает, что местоименный класс слов, как никакой другой, отличается «человекоцентризмом». Как языковые категоризаторы, исходные местоимения репрезентируют структуру действительности, «пропущенную» через оценку субъекта. Более того, местоимения, как «арсенал» смысловых абстракций», стоят, по ее мнению, над всеми другими классами слов, находясь вне существующей системы частей речи именно в силу того, что вступают в противоречие с частеречной формальной унификацией [11. с. 7–8, 11–13].

Заслуга Н. Ю. Шведовой состоит в отказе от формализованного подхода в определении местоимений как части речи и в обращении к когнитивным параметрам выявления их сущностных характеристик, которые выводят исследователя на смысловой уровень в определении местоимений как исходов, абстрагированных понятий, способных означать структуру физического или ментального бытия сквозь призму «я».

Функционирование местоимений, относящихся к сегментам определенности, неопределенности и непредставленности, требует специального изучения; «очевидно лишь то, что правила такого функционирования – свои собственные, далеко не полностью совпадающие с правилами употребления знаменательных слов» [11. с. 38].

Наше исследование проводится на материале диалектных высказываний, содержащих дейктики «здесь», «тут», «там». Важная роль и особенности употребления этих лексем связаны с устным, непринужденным характером общения на диалекте. Это определяет наиболее значимые характеристики ди-

алектной коммуникации – ситуативность, спонтанность речи, соблюдение интересов «данного момента» [13].

В русской устной речи местоименные слова «здесь», «тут», «там» употребляются весьма частотно, вероятно, поэтому в тех или иных случаях наблюдается переход из грамматического разряда полнозначных слов в разряд частиц: *Они были какие-то красивые фиолетовы, сине ль **там** или зелено стекло такое было; А счас приедут **тут** из города – нет чтобы это в клубе **там** чё – а на улицу; А дома **тут** корова была оставлена, соседка **тут** убиралась; Полушалки привезли в магазин **тут-ка**.* – что не противоречит их общему функциональному предназначению.

На основании этимологических исследований утверждается, что наиболее древние частицы образовались на базе местоимений и общность указательных частиц с указательными местоимениями объясняется их первоначальным смысловым единством (недифференцированностью), предположительно передававшим идею эмпирически вычленяемой области пространства [10, 14, 15].

По сути дела, рассматриваемые слова отражают первичное восприятие и осмысление действительности как «наличного бытия», которое структурируется далее в соответствии с двумя сферами человеческого опыта, а именно: тут – значит «этот, конкретный, определенный, свой» и там – значит «тот, неконкретный, неопределенный, чужой»), мыслимые как прототипические предметы [15. с. 51]. Другими словами, этимологическая смысловая общность изучаемых местоименных слов дает представление об их эпистемологической основе, которая эксплицирует концепт «пространство».

Как представляется, лексемы «здесь», «тут», «там» возможно считать местоименными словами не с позиции «вместо имени», а с позиции «прототипа имени».

В данном исследовании знаки «здесь», «тут», «там» рассматриваются нами как прототипическая группа, имеющая назначение языковой фиксации разных коммуникативных позиций, которые занимает человек – эпистемистический центр по отношению к пространству, например: позиция оценки предмета речи с точки зрения «хорошо – плохо», «норма – ненорма», позиция эмоционального отношения к предмету речи, позиция «верю – не верю» и другие. Эти позиции определяются условиями коммуникативного акта, установками говорящего, культурными, социальными и другими параметрами. Категоризация мира в сознании человека предстает по признаку определенности, неопределенности или непредставленности (непознанности или несуществования). Такая категоризация демонстрирует структуру человеческого познания мира по принципу «знаю, поэтому принимаю (определяю как свое), верю, оцениваю положительно» и, с другой стороны, «знаю неполно или не

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков

уверен в своем знании, не знаю и поэтому отрицаю/ не верю/ оцениваю отрицательно» [11. с. 9]

Предметы материального мира не разделяются на определенные и неопределенные, но в конкретном акте речевой коммуникации возникает необходимость указать на референтность или нереферентность как характеристику предмета в речепроизводстве. Таким образом, в сознании субъекта каждый раз объект маркируется как один из многих или выделенный, конкретизированный, уточненный. Находя выражение в языке, эта понятийная категория становится коммуникативной категорией.

В лингвистической литературе предлагается целый ряд исследований, посвященных семантике и средствам выражения определенности/неопределенности в языке [16–18], поэтому в данной работе представлены лишь общие параметры анализа языковой категории определенности/неопределенности с тем, чтобы представить этот феномен на диалектном материале.

Интерес к функциональной грамматике способствовал расширению интерпретации такой категории, как определенность/неопределенность объекта, что привело к включению в ее рамки и других языковых единиц, характеризующих И. И. Ревзиным как «коммуникативные», – местоимений, прилагательных, описательных конструкций, особого типа придаточные предложения, просодические средства [16. с. 4], кроме того, в рамках категории определенности/неопределенности исследуются коммуникативная организация предложения, имена собственные, категории числа и падежа и другие. Так, топологические и суперсегментные средства могут передавать семантическую категорию определенности/неопределенности. Показатели определенности/неопределенности маркируют ситуацию общения, указывают на отношения знаков к участникам коммуникативного акта [17. с. 62], поэтому данная область исследования рассматривается в сфере прагматики.

Категориальная основа определенности/ неопределенности названных местоимений заложена в их семантике: «тут», «здесь» эксплицируют идею близости к субъекту в прямом (1) и метафорическом (2) значениях, что способствует порождению различных смыслов: **близкий** → (1) «чувственно воспринимаемый» → (2) «известный» → «свой» → «конкретный», «определенный»; «там» передает смысл удаленности чего/кого-либо от субъекта, следовательно, **дальний** → (1) «чувственно не воспринимаемый» → (2) «неизвестный» → «чужой» → «плохой» → «неопределенный».

Квалификаторы «здесь», «тут» указывают на определенность референта, а «там» – на неопределенность.

При анализе языковой категории определенности/неопределенности предмета учитываются следующие факторы:

Субъективное намерение говорящего представить предмет как определенный или неопределенный.

Свойства самого предмета и его связи с другими предметами в известной обстановке (уникальность или множественность предмета, принадлежность данного предмета известному лицу, пространственная связь данного предмета с другим, известным предметом).

Условия речевого общения (нахождение предмета в поле зрения собеседников, знакомство собеседников с предметом до акта речевого общения и т. д.).

В диалектной речи предмет определен в следующих случаях:

находится в каких-либо отношениях с говорящим (отношениях посевности, функциональной освоенности и т.д.), следовательно, известен ему: *Ну, у нас тут в магазин завозят; Вот тут бальзам лежит у меня и канфорный; В болоте тут-ко, по лесу подмогильники его много, запашистый; Клюква тут по болотам растет; У нас тут две акушерки есь; Раньше кладбище у магазина было, у церкви. Родители у меня тут, брат похоронен;*

находится в поле зрения собеседников, его можно выделить указательным жестом: *По праву сторону тут жители жили, а тут бани были; Вот тут недалеко живет николай Николаевич; А где у тебя булочки? Вот тут они в занавеске, ой, в наволочке подвешаны.*

Предмет может быть ранее воспринят говорящим и в момент речи представляется как определенный (в языковом выражении это часто сопровождается указательными частицами или словами цветообозначения): *У них квартирный домик хороший на углу вот тут от; Вот тут, как выйдете сейчас, синеньки наличники, это её; Тут от дорога недалеко, вон – вон картошка зеленеет; А вот здесь то, вот, как идете, один-то домик стоит на отшибе;*

имеет привычное (горизонтальное) расположение в пространстве: *Вот у них тут мелкий сосняк; Растут тут на полях; Вот на проходах, от где дороги, где твердо место, тут ставишь ловушки, тут он и попадает;*

включен в коммуникативное пространство коммуникантов посредством заданной темы или жанровых параметров дискурса. Определенность в этом случае обусловлена желанием коммуниканта ввести собеседника в свой мир – реальный (известные говорящему люди, объекты) или ирреальный, основанный на «приближении» прошедших событий в пространство «здесь и сейчас»: *Тут у меня в суседах старушка одна живет; Тут в селе муж с женой – дак они каки-то высокоумны; А тут пошли раз за черникой, а за нами бабы увязались; Ходила тут на свадьбу приглашать; Они тут вскоре вышли замуж, замуж вышли; У этого уж три дочери; А тут двойняшки родились у них, двойнички; Он к пулемету пошел, тут его и убило.*

Объект маркируется как неопределенный в следующих случаях:

информация о нем была получена опосредованным путем (в этой ситуации говорящий использует ксенопоказатели «гыт», «говорит»): *У Коли*

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков

там, гыт, везде искала на печке; Ну, когда дверь она открыла туда, в кладовку, там, говорит, в самом нижнем ящике, там, говорит, деньги;

предмет неизвестен или невидим собеседнику по причине удаленности во времени и/или в пространстве, поэтому говорящий реализует правила речевого этикета, помечая локус как неопределенный: *У меня в огородчике там картошки тоже растут; Там лисятник у нас был, лис держали; Сенник у нас был, мы сено держали там.*

О том, что предмет речи знаком говорящему, свидетельствуют различные языковые показатели, в частности, форма родительного падежа личного местоимения («у меня», «у нас»);

предмет/объект находится в «чужой» зоне, противопоставленной зоне говорящего на основании «я–ты», «мы–они (он, она)»: *Захолустье там у вас; Он жил там у ней хорошо; Сёдня там у ей тоже поросята; У ей вот такой вот обломочек там в глазу; А он был на Кольме, 10 лет там был, тоже порассказал – ой-ей-ей; Живут в охотничьих избушках, зимуют там; А Тюктерово была, нет ее сейчас, там эти жили, мы их раньше осятками называли. Одна осятка там с мужем живет одна;*

говорящий оценивает предмет/объект как несущественный, не стоящий внимания, оценка может сопровождаться иронией или пренебрежительным отношением к предмету: *Казёнки, спали на ея. Как полати каки-нибудь там; Счас тоже надружатся, любовь там у них!;*

говорящий имеет неполное знание о предмете: *Какая-то машинка там была у их; Илгань – ну как это называют, там вода или еще что ли такое;*

предмет локализуется в ментальном пространстве: *Вот она только уволилась нынче зимой [на пенсию]. Там писят пять;*

располагается вертикально (выше или ниже направления взгляда наблюдателя) или внутри какой-либо сферы: *Эти караси там в озере; И вот эти две дорожки было там внизу, они все перегорели; Я и молоденька даже приду в лес, я не на ягоду смотрю, а наверху...вон там растет; Она затопила, она же там горит в духовке, тож не лучше меня все задымилась.*

Количественная асимметрия показателей определенности и неопределенности, полагаем, неслучайна. Коммуникантам нет необходимости каждый раз определять объекты коммуникативного пространства, которые, попадая в сферу общения, уже известны, конкретны. Неопределенный предмет речи вводится в коммуникативное пространство уже как определенный, если коммуникант стремится вовлечь собеседника в свой, известный, мир предметов. Если они (предметы) находятся за пределами коммуникативного пространства, говорящий вынужден каждый раз сообщать об их «чуждости» по различным основаниям.

Таким образом, категория определенности/неопределенности как коммуникативная категория маркирует условия в рамках конкретной речевой ситуации и эксплицируется в речевом акте.

Будучи оперативными единицами, дейктики только в высказывании могут реализовать основную функцию – коммуникативно-прагматическую, которая определяется условиями речевой ситуации: позицией говорящего/наблюдателя, локализацией объектов в пространстве относительно говорящего/наблюдателя, особенностями восприятия говорящим локализованных объектов, тематикой общения.

Лексемы «тут» («здесь»), «там» являются выразителями особых смыслов, которые так или иначе соотносятся с субъективными (модальными) смыслами, реализуемыми пропозицией. Такие смыслы существенно конкретизируют объективные смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию, работают на коммуникативную перспективу высказывания.

Диалектная культура дает особенно ценный материал для исследования особенностей русского менталитета, в том числе и для изучения универсальных категорий, которые упорядочивают знания о мире. Думается, что именно в говорах в наибольшей степени сохраняются архаические представления об устройстве жизни человека, вероятно, по причине относительной изоляции деревенского мироустройства от современных внешних информационных воздействий, которым обычно подвергается урбанистический социум. В речи сельского жителя фиксируется регулярная оппозиция «село/город», которая демонстрирует иногда сознательную изоляцию от «чужого» влияния.

Сельское общение соотносится с той или иной разновидностью пространства села. Это пространство членится на географическое (физическое), темпоральное, социальное [13].

Географическое пространство села в работе понимается как

- открытое деревенское пространство,
- значимые локусы (свой дом, предметы быта этого дома, хозяйственный двор, огород, река, лес и т.п.),
- чужая территория.

Временн'ое пространство представлено в диалекте

- темпоральным объемом коммуникативного акта,
- локализованностью события во времени
- вневременной сферой (суперпространством времени).

Социальная сфера определена членением на «мое/наше/деревенское» – «чужое/городское».

Выделенные сферы играют значимую роль при осуществлении коммуникации как внутри сельского социума, так и между сельскими и городскими жителями (исследователями-диалектологами).

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков

Если исходить из тезиса, что именно ориентирующая функция, а не значение формировало ядро местоименной группы слов, тогда необходимо говорить об их денотате – перцептуальном жизненном пространстве познающего мир человека. Оно отличается синкретичностью, недифференцированностью своего поля. Это бытийное пространство жизнедеятельности восходит к феномену «личного» пространства индивида и обладает условными границами. Человек как организующий эпистемический центр этого пространства волен по своему усмотрению расширять или сужать его границы, фокусировать поле восприятия на любых элементах этого пространства, манипулировать его фрагментами, занимать по отношению к нему разные позиции, использовать по отношению к нему врожденную операционную программу, позволяющую оперировать множествами объектами (реальными, размытыми, условными), и осуществлять вероятностное прогнозирование относительно динамики фрагментов коммуникативного пространства.

В момент осуществления общения жизненное пространство ограничено «коммуникативными» рамками с позиций «я – не я», «знаю – не знаю», «вижу – не вижу», «свой – чужой» и т. д. «Любое языковое действие совершается не имманентно, не в «бездоздушном» духовном пространстве. Для того чтобы создать или интерпретировать сообщение, говорящему субъекту необходимо ощутить определенную среду, к которой, в его представлении, данное сообщение принадлежит, – своего рода более широкую духовную «картину местности», на которой располагается и в которую вписывается данный языковой артефакт [19. с. 294]. В этой ситуации говорят о понятии «**коммуникативное пространство**» (далее – КП) – некая подвижная ментальная сфера, образуемая в сознании коммуникантов в момент речи, ее границы определяются спецификой речевого акта, особенностями социальной культуры, фоновыми знаниями участников общения.

Как представляется, идея пространства как ментальной сферы в сознании говорящих выражена в работах Ж. Фоконье, который толкует ментальные пространства как *модели дискурсного понимания*, создающие, уточняющие и претерпевающие постоянные изменения в процессе коммуникации. Как таковые, они обладают большой гибкостью и в каждый данный момент не обязаны сохранять последовательность и непротиворечивость, что в целом отражает особенности человеческого общения, и, следовательно, позволяют более адекватно моделировать процесс речевого восприятия [20]. Успех человеческого общения, таким образом, зависит от степени схожести построенных собеседниками пространственных конфигураций, что обеспечивается не только собственно языковым аспектом понимания [19. с. 83–84].

КП образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности, окружение создаваемого или интерпретируемого текста определенным мысленным про-

странством придает мысли говорящего известную фокусировку, которая до некоторой степени разделяется другими говорящими.

Географические рамки КП определяются границами села и его окрестностями, также эта сфера на момент речи может быть соотносима с «домашней» территорией говорящего (жилище, хозяйственный двор). Этот локус хорошо известен коммуникантам, функционально освоен и «присвоен» ими: *В городе трудней работать, тут [в интернате] ребят меньше в классе; Она на болоте и не росла. Морошка была на чистом, на сухом месте, брусника, черемуха растет тут, клюква; И начинается гулянье, если в своей деревне – ночь ночевали, на следующий день тут пробыли; Щас-то летом хорошо, придешь, ни топить, ничего, тут дома сидишь и то как выйдешь, так холодно; И родилась и выросла тут, более 300 лет селу; В больнице тут жила; В носках не пройдешь тут по избе.*

Социальные отношения определены деревенским социумом, относительно однородным и поэтому недискретным. В говоре являются типичными бытийные высказывания с элементами «у нас здесь/тут», «у меня здесь/тут»: *Дочь тут прожила у меня; Это само буровики тут у нас капусту, огурцы закупали; У нас тут молоканка есь; У нас во дворе тут-ко рядом колодец; Вот до колхоза, у нас была, где от счас комплекс, тут была Кузнецова; Она вот тут у нас где-то в речкав растет; Митя у меня тут взял, выкопал дома, говорит, давай дома, а чё они (утки); У меня тут была така... блюдо большо было тако.*

«В понимании носителей диалекта, мы – это деревня и одновременно люди, живущие в деревне. Говорящий осознает свою принадлежность к миру деревни» [21. с. 64]. Житель села, полагаем, воспринимает себя (далее – свою семью, односельчан, село) равным не дробной части вселенной, а целному малому миру.

Локально-социальный параметр КП может быть определен и визуально воспринимаемым пространством адресанта и адресата, следовательно, указание на объекты, находящиеся вне этой сферы, в момент речепроизводства осуществляется дейктиком «там»: *У меня в огородчике там картошки тоже растут; А у меня там на газу поставила ужин; Библиотеки богатые: и детские есть, и взрослая есть, там у нас большие женщины работают, мужчин нет.*

В акте коммуникации, где роль адресата выполняет диалектолог, который является представителем другого мира, иной культуры – «чужим», респондент может обнаруживать несовпадение информационной базы коммуникантов, обозначая «ты-сферу» маркером «у вас там», «у тебя там»: *Тоже она там у вас работат, я не знаю кто; Захолустье там у вас; Вот кода ты его выпивать станешь, вот там у тебя останется этот квас, гушиша.* Однако чаще информант, реализуя различные этикетные формы, вовлекает собесед-

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков

ника в «свои» (персональные) рамки традиционного повседневного общения, либо создает новое, общее с собеседником-диалектологом, КП на момент речи.

Эти же механизмы действуют и при темпоральной привязке явлений: *А потом уехал, и тут война началась; В огороде сажала, хлеб жала серпом. А тут постариться стала, домовничала дома; А вчера-то я ушла, в магазин-то, а они тут пришли; Я как раз попал во второй батальон, тут бы уже расчихал, что уходят, ну и как начал со всех сторон пулеметами; Так собирали, бот делали, ботишко был. А тут вот год был, так много шишки было.*

Указатель «тут» в этих высказываниях определяет временную координату локации прошедшего события в пространстве «сейчас». Говорящий переносит ситуацию, прожитую в прошлом, в актуальный момент речи, обнаруживая сопричастность к событию и представляя его собеседнику максимально наглядно.

Расширение традиционных границ сельского КП представлено в следующих диалектных высказываниях: *Четверо вот, трое здесь в Томске* (говорящий в момент речи находится в с. Батурино Томского района Томской области); *Вот тут-ка горшеешник в Батурино жил; Она поехала к сыну, он тут на Зональном живет* (коммуниканты в момент речи находятся в с. Вершинино Томского района Томской области); *Здесь колхозов в районе было много; Тут в Новосибирске побыли.*

Случаи выхода рамок КП за пределы традиционных границ весьма немногочисленны, тем не менее их наличие служит доказательством того, что участники речевой ситуации образуют общее речевое пространство, характеризующееся не столько чувственным восприятием его границ, сколько осознанием причастности к этой сфере.

Таким образом, когнитивный подход к местоименным лексемам позволяет сделать следующие выводы:

1. Местоименные слова «здесь», «тут», «там», активно употребляемые в русской устной речи, в настоящем исследовании подтвердили статус языковых категоризаторов, демонстрирующих результаты концептуализации мира говорящим в момент речи.

2. Имея ориентировочную функцию, местоимения способны эксплицировать языковые механизмы категоризации мира в пространственных моделях – формах конструирования мира в сознании человека.

3. Местоименные дейктики «здесь», «тут», «там» в устной речи выполняют особую коммуникативную роль – репрезентация позиций говорящего в коммуникативном пространстве – по отношению к действительности, перцептуальной сфере.

4. Коммуникативные позиции маркируют модусы существования информации, «упаковывают» ее в рамках коммуникативной категории «определенность/ неопределенность»: «знание/незнание», «ограниченное знание», «актуальность/ неактуальность», «верю/ не верю», «свое/ чужое» и другое.

Использованная литература:

1. Майтинская К. Е., Местоимения в языках разных систем. Москва: Наука, 1969.
2. Янко-Триницкая Н. А., Местоименные слова со значением неопределенности. In: РЯШ, 1977.
3. Николаева Т. М Семантика акцентного выделения. Москва 1982.
4. Рудяк С. И., О специфике местоимений как отдельной части речи на примере указательного местоимения «такой». In: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 7. Новосибирск: НГУ, 1978.
5. Падучева Е. В., Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике In: ИРАН СЛЯ. 1993. Т. 52. № 3.
6. Шелякин М. А., Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление): Материалы по спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка»: Учебн. пособие для студ. филол. фак-ов. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1986.
7. Шемелева Т. В., Русские местоимения как часть речи (функционально-семантический и морфолого-словообразовательный аспекты): Автореф. дис. ... филол. наук. Краснодар 1997.
8. Падучева Е. В., Крылов С. А., Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты In: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Москва 1984.
9. Виноградов В. В., Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва: «Высшая школа», 1972.
10. Майтинская К. Е., Местоимения в языках разных систем. Москва: Наука, 1969.
11. Шведова Н. Ю., Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Москва: Азбуковник, 1998.
12. Глыбин В. В., Восприятие класса местоимений носителями русского языка (экспериментальное исследование): Дисс. ... канд. филол. наук. Москва 1999.
13. Курикова Н. В., Феномен пространственного дейксиса в диалектной речи (на материале лексем «здесь», «тут», «там»): Дисс. ... канд. филол. наук. Томск 2005.
14. Николаева Т. М., Семантика акцентного выделения. Москва 1982.
15. Кравченко А. В., Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996.

Категориальный статус и роль местоименных дейктиков

16. Ревзин И. И., Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. In: Проблемы грамматического моделирования. Москва: Изд-во «Наука», 1973.
17. Алехина М. И., Определенность/неопределенность предмета как контекстуальная категория. In: РЯШ. 1974. № 5.
18. Бондарко А. В., Определенность/ неопределенность. Семантика и выражение определенности/неопределенности In: Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность. Неопределенность. Санкт-Петербург: Наука, 1992.
19. Гаспаров Б. М., Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996.
20. Скребцова Т. Г., Американская школа когнитивной лингвистики. Санкт-Петербург 2000.
21. Демешкина Т. А., Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

